

Визави

Светлана КУЗИНА

— Владимир Борисович, хорошо это или плохо, но все-таки для многих вы в первую очередь остались Иктиандром.

— А между тем, когда мы снимали «Человека-амфибию», никто не предполагал, что получится такой успешный фильм. Хотя, как теперь думаю, предпосылки для этого были явные. Компания там собралась просто удивительная! Сценарий написал Алексей Каплер — один из лучших сценаристов за всю историю российского кинематографа. Музыка — Андрей Петров. В картине снимался великий актер, совершенно легендарная фигура — Николай Константинович Симонов. Теперь уже, задним числом, мы начинаем понимать, что он, может быть, был выше многих актеров такого даже порядка, как Лоуренс Оливье. Еще совершенно замечательный Миша Козаков, который в ту пору находился в зените своей популярности. Вообще трудно найти другого актера с таким привлекательным, шокирующим, отрицательным мужским обаянием, как Миша. А Настя Вертинская... Вдруг на экране появляется человек с голубой кровью — по-настоящему аристократической кровью! Она же тогда была еще ребенком — училась в 9-м классе. Настя выросла в прекрасную актрису и состоялась как человек. Так что, я думаю, у нашего фильма было много оснований для того, чтобы он получился, который бывает у всех актеров по окончании театрального института. А нещадно эксплуатировал свою популярность. Знаете, театры надо содержать, как женщину. Вообще — искусство надо содержать! А те, кто выделяет деньги на искусство, кто определяет процент в бюджете, который идет на культуру, они как альфонсы — хотят получить удовольствие и еще с этого деньги сорвать. Поэтому я никогда не осуждал актеров, которые концертировали и пользовались своей популярностью для того, чтобы как-то заработать. Слава Богу, что у них была такая возможность! И слава Богу, что съемки в «Человеке-амфибии» дали мне какие-то новые возможности! Картина получилась и потому, что не было этого страшного нашествия дилетантов, как теперь. Хотя я считаю, что бывают исключения: в искусстве, как правило, открытия делают посвященные дилетанты.

— **Что вы имеете в виду?**

— Ну например, Станиславский

Владимир Коренев переиграл на сцене огромное количество ролей. Люди идут в Театр им. Станиславского «на Коренева». Аплодисменты, цветы, поклонницы... Но до сих пор (спустя 35 лет!), говоря о Кореневе, многие называют его Иктиандром — по имени самого популярного его киногероя. Наверное, в этом есть высшее признание: сыграть роль так, чтобы ее помнили и любили и через несколько десятилетий! Мы приехали на интервью к Кореневу домой. Нас встретил его очаровательный трехлетний внук Гор. И вспомнилось вдруг: так хотелось в детстве, чтобы в «Человеке-амфибии» был счастливый финал! И вот, словно отголосок той наивной детской мечты, перед нами внук Иктиандра!

Владимир
КОРЕНЕВ:

Бел. Момба. - 1998. - 23 февр. - с. 7.
Не надо лезть в плейбои!

был купцом. Немирович-Данченко — литератором. У них не было профессиональных шор на глазах. Они по незнанию пошли туда, куда было нельзя, и там открыли нечто свое. Но так бывает только в том случае, если человек талантлив и посвящен! А не так, как это происходит сейчас. Если в свое время один человек говорил, что «любая кухарка может управлять государством», то теперь считается, что любая кухарка вообще может все! В том числе — и фильм снимать, и спектакль ставить, и руководить финансами. Бердяев написал когда-то «Особенности русского социализма». Будь он жив сейчас, его статья называлась бы «Особенности русского капитализма». Потому что российский социализм так же омерзителен, как российский капитализм. Вообще мы любую социальную систему можем довести до idiotизма. У нас, у русского народа, есть вот такие

чрезвычайные способности. И я очень рад этому обстоятельству, потому что для меня любая социальная система — дрянь! Вот смотрю журнал «7 дней», а там напечатаны снимки Депадье в своем дворце и нашего Саши Абдулова в своем загородном доме. «Подставили» Абдулова — талантливого актера! Просто соревнование Элочки-людоедки с женой Вандербиля! Да не надо соревноваться! Когда мы начинаем выпендриваться под них, пытаться что-то выпячивать — ни хрена не получается. Не надо лезть в плейбои, когда ты им не являешься. Нет у нас для этого ни времени, ни денег таких. И атмосфера у нас другая, и традиции. Главное — сохранить достоинство!..

— **Ходили слухи, что вы уехали за границу...**

— Никуда я не уезжал! Я снимался за границей, но при этом всегда работал в театре Стани-

славского — с 1961 года. Выходит, уже 37 лет! Я очень люблю свой театр. Считаю, что показателем качества актера является не кино. В кино актера подменяют слишком во многом. Только в театре ты остаешься один на один со зрителем — между вами нет посредника.

— **Сейчас много говорят о вашей последней шумной премьере — спектакле «Мужской род, единственное число». Вы играете там трансвестита...**

— Да. Но речь там идет совсем не об этом. Я играю спектакль о любви. Мой герой любит своего ребенка, свою молодость, свое прошлое. В этом суть! В принципе все, что существует в мире, может стать предметом искусства. Вопрос лишь в том, с какой точки зрения ты рассматриваешь это явление: в целях поиска грязи или же с каких-то позиций возвышения человеческой души.

— **К сожалению, грязекопа-**

ние в последнее время у нас стало явлением обычным. Не было ли у вас каких-либо сомнений, опасений, когда вы брались за такую неоднозначную роль?

— Поначалу, когда я прочел пьесу, она меня просто шокировала. Но ставил спектакль действительно выдающийся, замечательный ленинградский режиссер Спивак. Он сумел вытащить самое светлое, что было в этой пьесе. Поэтому мы очень любим этот спектакль. И вполне естественно, что он пользуется успехом.

Я считаю, что именно сейчас, когда общество находится в депрессии, искусство должно выполнять идеологические задачи. И идеология его должна заключаться в том, чтобы поднимать настроение, чтобы дать людям надежду!

Знаете, что в театре после «Человека-амфибии» я практически не играл положительных героев. Не хотел, чтобы ко мне прилепили ярлык «героя-любownika» и эксплуатировали только в этом качестве. Играл комедийные, характерные, возрастные роли. И так это полюбил, что сейчас у меня нет тяги к чему-то другому. С удовольствием воплощаю на сцене всяких забавных людей. А фильму я признателен еще и за то, что благодаря ему мне довелось встретиться с самыми разными замечательными, очень интересными людьми: с Гагариным, Хрущевым, академиком Ландау и многими другими. Мне приходи-

лось выступать в таких местах, куда бы я никогда не попал — в колонии для малолетних преступников, например. А вообще я люблю совсем другие вещи. И в принципе мог бы этим делом не заниматься.

— **Тогда кем бы вы были?**

— Ну... не знаю. Поскольку у меня нет необходимости что-то менять, я получаю удовольствие от своей профессии. Но по большому счету жизнь люблю больше, чем любую профессию.

— **Владимир Борисович, что бы вы себе пожелали?**

— ...Боюсь спугнуть... Я очень суеверный человек. Не хочу ничего лишнего от судьбы. Мне ничего не надо. Все то, с чем человек может быть счастлив, у меня есть. Если бы я был болен, я бы попросил у Бога здоровья... Я хочу, чтобы как можно дольше оставалось это состояние, в котором сейчас нахожусь.

Фото Сергея МИХЕЕВА

